ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, 2014, том 84, № 2, с. 143–152

ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

DOI: 10.7868/S086958731401006X

Тенденции изменения современного мира свидетельствуют о кризисных процессах в экономике, которые ведут к массовому обнищанию людей в разных странах. Абсолютизация принципа либеральной свободы в экономике стала причиной материальной и духовной нищеты, посеяла в общественном сознании зёрна иррационального страха. Стихийность хозяйственной жизни на планете создаёт противоречия между растущими доходами, ростом населения и распределением капитала. Большое внимание в статье уделено экономическому положению российских граждан, о котором можно судить по данным, полученным в рамках многолетнего социологического мониторинга, проводимого под руководством автора.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В.К. Левашов

Только после того,
как будет срублено последнее дерево,
Только после того,
как будет поймана последняя рыба,
Только после того,
как будет отравлена последняя река,
Вы, наконец, осознаете,
что деньги несъедобны.

Индийское религиозное пророчество

Генезис социально-политических рисков. Глобальный мир последних трёх десятилетий в процессе разделения труда, развития производств, формирования мировых рынков, социальных сообществ и политических объединений выстраивался при доминировании либеральных представлений о мотивах и перспективах движения в будущее. Конструкция материального экономического базиса, в первую очередь производственно-рыночного и технологического, и институты идеологической и духовно-нравственной ориентации современного либерального глобального общества рождались в политических лабораториях консервативных политиков 70–80-х годов прошлого столетия. Маргарет Тэтчер, одна из главных политических фигур неолиберализма, в своей книге “Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира”, над которой она работала до самой кончины и которую, без сомнения, можно рассматривать как искренний политический манифест современного либерализма, писала: «Консервативная революция, которая была инициирована Рональдом Рейганом в Америке, поддержана мною в Великобритании и другими политиками разных убеждений по всему свету, открыла национальные экономические системы для международной конкуренции. Дерегулирование, снижение налогов и приватизация в нашей национальной экономике сопровождались на международном уровне отменой валютного контроля и снижением тарифов. Триумфальному шествию таких западных ценностей, как свобода выбора и свобода личности, помогала информационная революция, которая лишила

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН.

тоталитарные государства возможности промывать своим подданным мозги в отношении мировых реалий. Крушение коммунизма в Восточной Европе, а затем в Советском Союзе привело к полному исчезновению "второго мира" и подтолкнуло к действиям страны третьего мира, стремившиеся к самосовершенствованию. Результатом стало первое серьёзное внедрение свободной рыночной политики в развивающихся странах» [1, с. 492].

Не будем строги к эмоционально ярким краскам эпической либеральной панорамы глобального мира, нарисованного Тэтчер, она старалась добросовестно выполнить последний пункт своего политического завещания: "...Мы должны: прославлять победу глобального капитализма, основанного на свободном предпринимательстве; сделать так, чтобы его выгоды в результате открытой торговли стали доступными для всех государств на Земле" [1, с. 497]. Воспитание и политическое кредо "железной леди" консервативного либерализма побуждали её мыслить и писать о том, что "человеческая природа такова, что чарующий голос торгового протекционизма, видимо, не смолкнет никогда" [там же]. Жизнь в проявлениях её многообразия не столь одномерно волшебна, особенно во взлётах и падениях экономической конъюнктуры на мировых рынках. В седле политики и бизнеса крепко сидит тот, кто помнит: «Никогда не говори "никогда"!». Правда постоянства в том, что в поисках стратегических аргументов неолибералы всегда обращались к классическому наследию А. Смита, к его "невидимой руке рынка" и laissez-faire – принципу невмешательства государства в экономику. Тэтчер и её единомышленники считают, что рецепт успеха современного политика прост, он сводится к statecraft – мастерству, искусству управления государством. Но в своей консервативной либеральной политической философии они осознанно или неосознанно остаются, по крайней мере, политическими романтиками, если не догматиками времён экспансии Британской империи – расширяющейся индустриально-торговой цивилизации, и не обращают должного внимания на хронические социально-политические болезни нашего глобального трансграничного времени постмодерна.

Как раз во времена пребывания Тэтчер на Даунинг-стрит У. Бек публикует свою, впоследствии ставшую известной, работу "Общество риска", предлагающую новое видение проблемной ситуации, которую на пороге XXI в. выстраивает человечество. Он показывает, как политика и практика консервативного либерализма и этатического социализма к концу XX в. привели к "противопоставлению природы и общества". Попытка победить бедность с помощью умножения материального богатства, эксплуатация и использование в этих целях ресурсов и сил природы оборачиваются растущими сбоями и катастрофами и ставят под угрозу саму реальность существования жизни на планете. "Оборотной стороной обобществления природы является *обобществление её разрушения*", что и вызывает "*опасные общественные метаморфозы*: повседневные нормы жизни ставятся с ног на голову. Рушатся рынки. В условиях изобилия царит дефицит. Возникают массовые претензии. Правовые системы не справляются с фактами. Самые животрепещущие вопросы наталкиваются на недоумённое пожимание плечами. Медицинское обслуживание оказывается несостоятельным. Рушатся научные системы рационализации. Шатаются правительства. Избиратели отказывают им в доверии. И всё это при том, что грозящая людям опасность не имеет ничего общего с их действиями, наносимый им ущерб – с их трудом, а окружающая действительность в нашем восприятии остаётся неизменной. Это означает конец XIX века, конец классического индустриального общества с его представлениями о национально-государственном суверенитете, автоматизме прогресса, делении на классы, принципе успеха, о природе, реальной действительности, научном познании и т.д." [2, с. 8].

В своё время Ф. Энгельс в "Диалектике природы" обратил внимание на особое место и роль, которую занимает человек и созданное им общество в процессе освоения природы: "...На каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, – что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри неё, что всё наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать её законы и правильно их применять" [3, с. 496]. Политика господства над природой и игнорирование интересов большинства граждан в обществе неизбежно вызывают процессы социального обнищания и деградации жизни. Эта аксиома известна науке и неоднократно подтверждалась артефактами культуры и археологии великих империй и государств. Но она неудобна для политиков в либеральной практике, поэтому её редко выпускают за границы академических аудиторий и изданий. В апологиях либерализма она отнесена к архаике. Но каждый раз, когда современное развитое капиталистическое общество заболевает и начинает ставить себе диагноз очередных недугов, оно вынуждено обращаться к классической науке и её апробированному временем знанию. "Я думаю, – в наши дни подчёркивает И. Валлерстайн, – Маркс оказался прав в одном из самых скандальных своих прогнозов, от которого впоследствии открестились сами марксисты. Эволюция капитализма как исторической

системы действительно ведёт к поляризации и к *абсолютному*, а не только *относительному* обнищанию большинства" [4, с. 42].

У. Бек принимает и вслед за Марксом и Валлерстайном вводит в свою теорию "общества риска" понятие "обнищание". Но если Маркс и Валлерстайн настаивают на неизбежности абсолютной и относительной форм материального обнищания, то есть ограничиваются количественными измерениями, то У. Бек идёт дальше и подвергает процесс современного обнищания качественному анализу. "Мой тезис звучит так: в обществе риска речь идёт о такой форме обнищания, которая сравнима и в то же время не идёт ни в какое сравнение с обнищанием трудящихся масс в промышленных центрах на раннем этапе индустриализации" [2, с. 62]. Он показывает, что в основе современных процессов обнищания, имеющих объективный характер, лежит "собственная динамика: не чья-то злая воля, а рынок, конкуренция, разделение труда..." [2, с. 61].

Книга У. Бека вышла в свет в год чернобыльской аварии. В предисловии автор особо выделяет мысль: "*От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века – нельзя*". По его мнению, в обществе развиваются кризисные процессы, которые угрожают возможностью "не-бытия вообще". Новая, качественно иная реальная угроза нашего времени – цивилизационное обнищание – вырастает рядом с традиционным материальным обнищанием. Цивилизационное обнищание – новый вид социально-политических рисков, выражающийся в росте страха материально благополучного, живущего в достатке общества перед будущим. Такая новая проблемная ситуация требует иной научной и политической парадигмы: «В отличие от XIX века, возникающие проблемы нельзя решить с помощью повышения производительности, перераспределения, расширения социальных гарантий и т.д., они требуют или целенаправленной и массированной "политики контринтерпретации", или принципиально нового мышления и перепрограммирования действующей парадигмы цивилизации» [2, с. 63]. Парадокс современности заключается в том, что либеральная стратегия и практика развития чередой своих кризисов и провалов подорвала у населения многих стран чувство свободы и веры в будущее, научный прогресс. Абсолютизация принципа либеральной свободы в экономике глобального мира привела к тискам материальной и духовной нищеты, дерационализировала общественное сознание, посеяла в нём зёрна несвободы, иррационального страха.

Бедность побеждает экономический рост. Один из создателей идейно-политической доктрины либерализма английский философ-просветитель XVII в. Дж. Локк исходил из того, что бедность разрушает человеческое общество точно так же, как война. По его мнению, причины бедности необходимо искать не в человеческих отношениях, а в природе, которая не может обеспечить достаток для всех. Бог дал человеку природу, но наибольшую пользу она оказывает ему, становясь частной собственностью и соединяясь с трудом и прилежанием, которые свойственны далеко не каждому. Чтобы победить бедность, человек должен покорить природу и производить как можно больше материальных ценностей. Иными словами, богатство должно победить бедность с помощью экономического роста.

Дж. Локк заложил фундамент западной философии жизненного успеха, критерием которого является демократия меньшинства, расширяющиеся стандарты материального потребления, экономический рост, максимизация прибыли, минимизация издержек и ответственности бизнеса перед государством и обществом. Согласно этой системе взглядов и ценностей, природа, земля выступают не как колыбель человечества, а как враг, с которым нужно сражаться, на которого необходимо направить всю мощь трудовых, творческих усилий, чтобы победить бедность, достичь процветания. Эта система взглядов легла в основу экономической философии колониализма и классического империализма. Идеолог и строитель Британской колониальной империи С. Родс открыто заявлял, что политику территориальной и экономической экспансии империализма необходимо проводить для того, чтобы избежать классовой войны в Великобритании. Он вошёл в мировую историю словами: "Если бы я мог, то завоевал планеты". Философия и практика абсолютизации принципов экономического либерализма продолжается и в наше время. Риски материального обнищания создают неустойчивость социальной и политической жизни общества, разрушают природу, основы нравственной, духовной жизни человека.

Социально-политической сущностью сложившейся кризисной, даже, скорее, угрожающей ситуации является глобальный, грозящий взрывом риск диспаритета владения и распоряжения природными и созданными современной цивилизацией колоссальными материальными и духовными ресурсами. Экономическое, политическое, интеллектуальное неравенство в глобальном масштабе имеет много измерений: между промышленно развитыми и развивающимися странами, иначе говоря, между Севером и Югом, Западом и Востоком, белой, чёрной и жёлтой расами; между классами, социальными группами и слоями в каждом из обществ (государств), входящих в мировое сообщество; между общинами, исповедующими различные религии; между социокультурными системами; наконец, между интересами ныне живущего и будущих поколений землян.

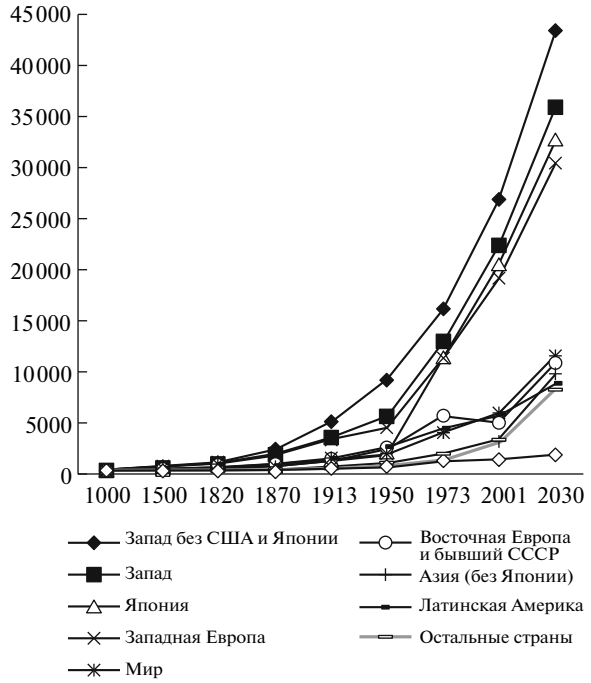

Рис. 1. Уровень ВВП на душу населения, долл., 1990 г.

Источник: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls; http://www.ggdc.net/maddison/articles/world_development_and_outlook_1820-1930_evidence_submitted_to_the house_of_lords.pdf; http://www.ggdc.net/Maddison/other_books/Growth_and_Interaction_in_the_World_Economy.pdf

Представленные британским экономистом А. Мадисоном данные показывают, как драматически на протяжении конца последнего тысячелетия нарастал социально-экономический диспаритет между Западом и остальным миром. Динамика дивергенции Запада и остального мира, развитых и развивающихся стран в показателях роста населения, валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения отражена на графиках 1, 2, 3.

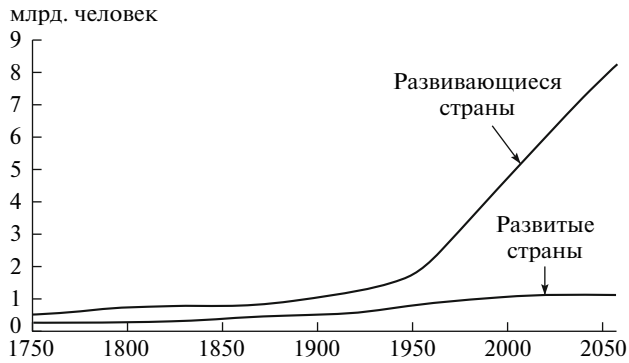

Рис. 2. Рост населения мира в 1750–2050 гг.

Источник: http://www.worldbank.org/depweb/beyond/wrru/wnr_03.pdf

Реальный доход на душу населения на Западе (Запад в интерпретации А. Мадисона – это Западная Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония) возрос в 3 раза за период с 1000 до 1820 г. и в 20 раз с 1820 по 2001 г. В остальных странах мира доход рос гораздо медленнее – на треть за период с 1000 до 1820 г. и в 6 раз с 1820 по 2001 г. На страны Запада в 2001 г. приходилось 52% мирового ВВП и только 14% мирового населения. Средний годовой доход составлял 22500 долл. (по паритету покупательной способности 1990 г.). Остальные страны с 86% населения имели средний годовой подушевой доход менее 3400 долл. Разрыв между уровнем среднего душевого дохода в развитых и развивающихся странах продолжает увеличиваться: в 1870 г. в развивающихся странах он был в 11 раз ниже, чем в богатых, в 1960 г. – уже в 38 раз, а в 1985 г. – в 52 раза (рис. 1).

Второй стороной усиливающегося глобального диспаритета является опережающий рост населения в развивающихся странах (рис. 2). На протяжении всей истории человечества численность населения увеличивалась относительно медленно, но в последние два столетия успехи здравоохранения и сельского хозяйства подготовили почву для “демографического взрыва”. В XIX в. людей на Земле стало на 710 млн. человек больше, в XX в. – на 4950 млн., причём в 1960–1980-х рост составил более чем 1.5 раза. В последнее время население Земли ежегодно увеличивается на 90 млн. человек, 90% прироста приходится на страны Африки, Азии и Латинской Америки.

Изменение доли развивающихся стран в мировом ВВП (рис. 3) – третья сторона названного диспаритета. В 2013 г. доля развивающихся стран в мировом ВВП составит 50.9% против 49.1% доли развитых стран. Вопрос в том, как распределяется этот возросший ВВП, происходит ли сокращение численности бедных слоёв населения в развивающихся странах. Успехи в борьбе с бедностью стали заметны в странах БРИКС, но в остальных развивающихся странах риски неравенства увеличиваются.

Неравномерность, стихийность хозяйственной жизни на планете привела к образованию “бермудского треугольника” противоречий между доходами, ростом населения и распределением капитала. В изменившихся условиях необходимо найти баланс между главными игроками глобализирующегося взаимозависимого мира. Поиск этого равновесия и должен привести к новой парадигме жизнедеятельности человечества в единстве его рациональных согласованных практик.

Антиколониальная революция, в основном завершившаяся в 1960-е годы, привела не к сближению стран и народов по уровню экономического развития, а, напротив, к возрастанию экономического неравенства. Такой “эффект” обеспечен

усилением эксплуатации стран третьего и четвёртого мира, которая зиждется на совершенствовании механизмов финансовой эксплуатации, осуществляемой транснациональными корпорациями и банками, поддерживаемой политическим давлением западных государств и военной силой, которая всегда угрожает и немедленно вводится в действие в случае необходимости. Международные финансовые организации и правительства ведущих западных держав, проводя политику помощи развивающимся странам и строительства "свободных" рыночных экономик через предоставление займов и инвестиций, в реальности достигают эффекта закабаления.

Созданный развитыми странами мировой экономический порядок закрепляет неэквивалентность в оплате труда, "ножницы" цен на сырьё, полезные ископаемые, энергоносители, добываемые и вывозимые из развивающихся стран, и цен на готовую продукцию, средства производства, а также на продукцию ширпотреба и продовольствие, импортируемые этими странами.

Заслуживает внимания тот факт, что в некоторых странах наблюдается тенденция к увеличению численности городской бедноты и стагнации нищеты в сельских районах, рост доли лиц из числа городской бедноты, работающих в неформальном секторе экономики, и численности безработных среди малоимущих. Всё это представляет собой новый вызов процессу развития. Острота проблемы по-прежнему остаётся наиболее серьёзной в сельских районах, однако растёт и число городов с высоким уровнем нищеты.

Разразившийся в 2008 г. финансовый кризис стремительно перерастает в кризис гуманитарный. Глобальный экономический кризис повысил риски нищеты и бедности для населения практически всех развивающихся стран (рис. 4). Почти 40% развивающихся стран в условиях кризиса сталкиваются с обнищанием населения, высокий уровень нищеты дополняется снижением темпов экономического роста. Ещё 56% развивающихся стран подвержены умеренным рискам, связанным либо с низкими темпами роста, либо с высоким уровнем нищеты.

Демографические тенденции, рост населения способствуют дальнейшему распространению нищеты. Высокая рождаемость усугубляет такое положение, заставляя направлять ресурсы домохозяйств не на накопление, а на потребление. Увеличение численности иждивенцев существенно влияет на доходы многочисленной рабочей силы и закрепляет состояние нищеты даже среди трудоустроенного населения. С этим также тесно связана внутренняя и международная миграция, которая влечёт за собой обнищание общин, поскольку они теряют своих наиболее экономически активных членов.

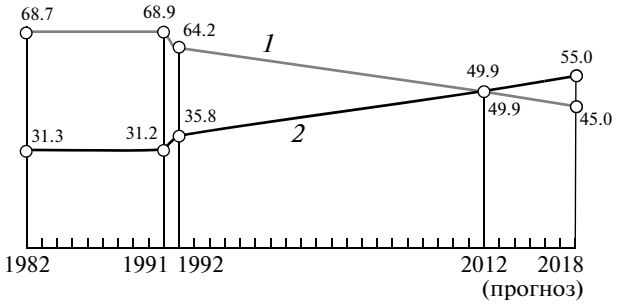

Рис. 3. Доля стран с развитой и развивающейся экономикой в мировом ВВП, % (по паритету покупательной способности)

1 – развитые страны, *2* – развивающиеся страны

Источник: МВФ. Цит. по: Новый двигатель мировой экономики // Ведомости. 2013. 6 июня.

Важно отметить, что процессы инновационной трансформации экономик как в развитых, так и в развивающихся странах происходят в соответствии с консервативно-либеральной трактовкой экономической свободы, что приводит к расширенному воспроизводству институтов и механизмов неустойчивого развития. Критерием прогресса в этой модели служит экономическая эффективность, понимаемая как минимизация издержек и максимизация прибыли, она императивно диктуется ценностями и стандартами общества массового потребления. Экономическая эффективность воспроизводит особый тип инноваций, обеспечивающий рост потребления, вовлечение в экономический оборот новых видов природных ресурсов и поиск рынков дешёвой рабочей силы. Экскавация невозобновляемых ресурсов, нарушение среды обитания человека и живого мира ведёт к деградации биосферы. Возрастающая антропогенная нагрузка на природу становится причиной опустынивания, уменьшения лесных территорий и посевных площадей, загрязнения атмосферы и дефицита пресной воды, то есть создаёт условия материальной деградации цивилизации. В своих критических и катастрофических формах материальная деградация локальных общностей приводит к деградации духовной. Круг воспроизводства неустойчивой жизнедеятельности замыкается. Каждый новый цикл такой экстенсивной модели массового производства и потребления уменьшает потенциал воспроизводства различных живых биологических форм и видов, самого человека. Подобные процессы пока не остановлены и в нашей стране.

Ситуация в России. По-прежнему дороговизна жизни остаётся главной заботой и тревогой большинства граждан в нашей стране, и на этом основании – главной социально-экономической характеристикой российского гражданского обще-

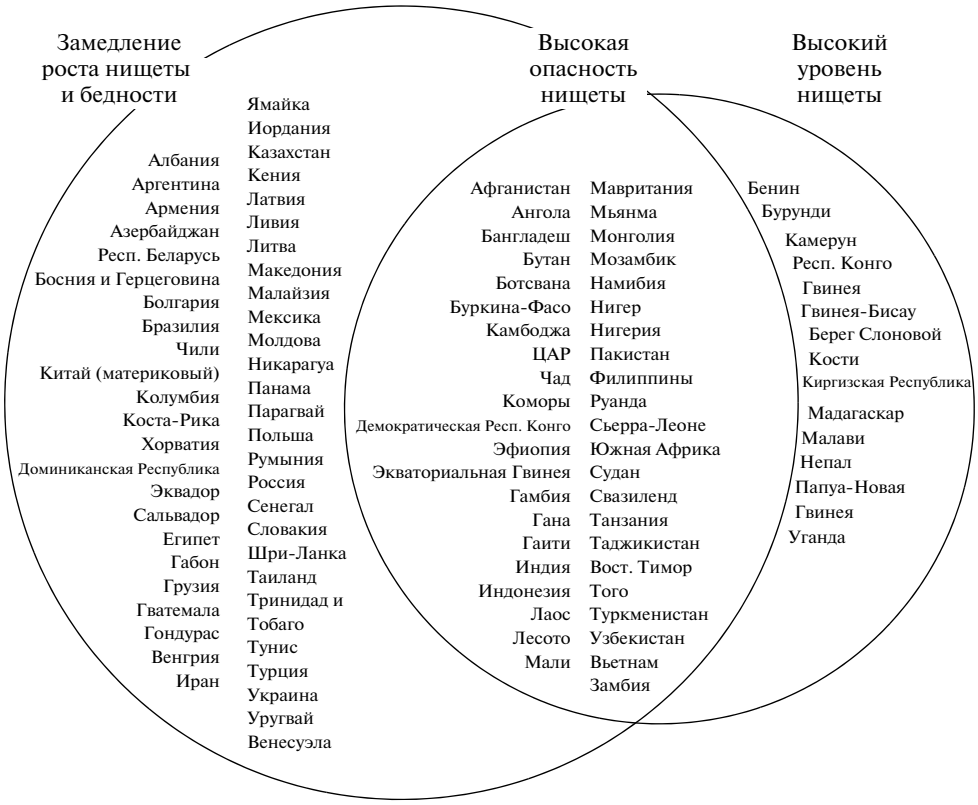

Рис. 4. Страны высоких рисков нищеты и бедности
Источник: http://go.worldbank.org/1FWPZ7KCJ0

ства*. В России, по мнению её граждан, построено дорогое для жизни общество. По данным социологического мониторинга, в июне 2013 г. дороговизна жизни (50%), повышение тарифов на услуги ЖКХ (45%), произвол чиновников (37%) являлись доминирующими тревогами массового сознания. Далее перечень актуальных тревог включает: повышение цен на продукты питания (31%), высокий уровень преступности (30%), падение нравов, культуры (29%), неблагоприятную экологическую обстановку (28%), разделение общества на богатых и бедных (27%), безработицу (25%), алкоголизм (22%), безопасность близких (19%), наркоманию (19%), терроризм (14%), обострение межнациональных отношений (13%), закрытие, простой предприятий (12%), высокую инфляцию (12%), задержку выплаты зарплат, пенсий (7%), мировой экономический кризис (4%), монетизацию льгот (4%).

Экономическое положение большинства российских граждан остаётся тяжёлым. Обратимся к индикаторам самооценки денежных доходов (рис. 5). Вопрос был поставлен так: “Какая из нижеприведённых оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?”. Варианты ответов: “богатые” – денег вполне достаточно, чтобы ни в чём себе не отказывать; “обеспеченные” – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей; “ограниченные в средствах” – денег доста-

*В статье приводятся данные, полученные в рамках социологического мониторинга “Как живёшь, Россия?”, проводимого Центром стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга – В.К. Левашов, исследовательский коллектив: И.С. Шушпанова, В.А. Афанасьев, О.П. Новоженина. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства, национального и социально-профессионального состава. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объём выборочной совокупности составлял на разных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Исследования 2013 г. проведены при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00166-а «Социологический мониторинг “Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях мирового экономического кризиса 2013–2015 гг.”», проект № 12-06-00402-а “Междисциплинарное исследование социальных основ глобальных процессов и новых путей решения глобальных проблем”, и РГНФ, проект № 11-03-00266 “Модернизация гражданского общества и развитие институтов демократии в России: социологический мониторинг”.

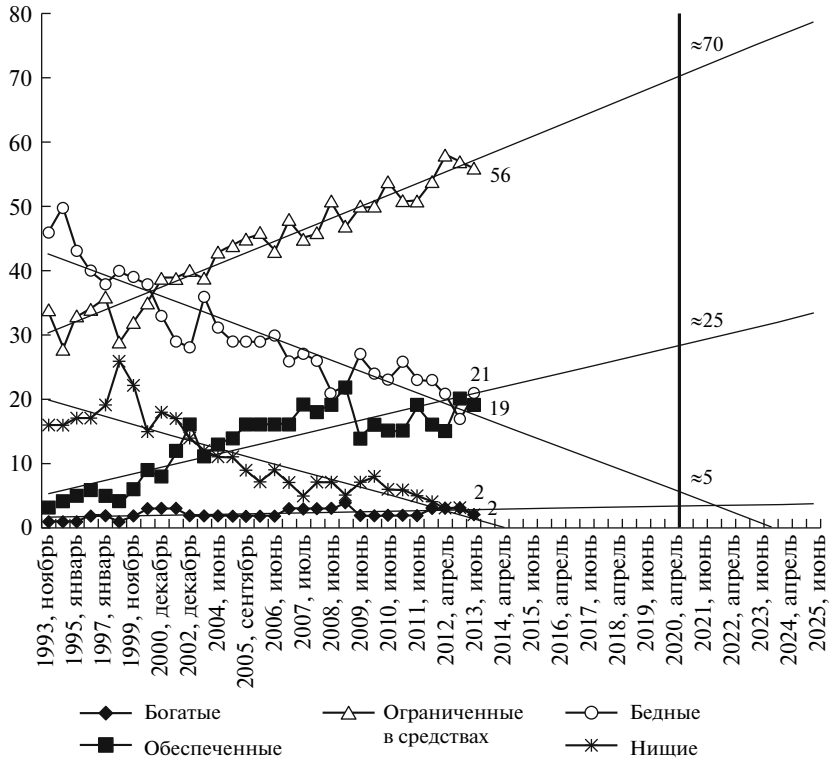

Рис. 5. Динамика самооценки денежных доходов россиян, % от числа опрошенных
Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

точно для приобретения необходимых продуктов и одежды; “бедные” – денег хватает только на приобретение продуктов питания; “нищие” – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания. В июне 2013 г. граждане России оценивали свои денежные доходы следующим образом. Около 23% респондентов живут в условиях нищеты и бедности: недоедая (2%) или еле-еле сводя концы с концами, зарабатывая деньги, которых хватает только на приобретение продуктов питания (21%). У 56% респондентов денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды, 19% могут позволить себе купить большинство товаров длительного пользования, 2% не отказывают себе ни в чём.

Представленные данные показывают, что группа ограниченных в средствах граждан растёт более высокими темпами, чем группа обеспеченных. Если провести простейшую линейную экстраполяцию сложившихся тенденций, станет ясно, что совсем скоро, приблизительно к 2020 г., большая часть российского общества будет иметь довольно скромный денежный достаток: группа населения, ограниченная в денежных средствах, составит 70% от всех проживающих в стране; группа обеспеченных, для которых покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, увеличится до 25%; богатых, не отказывающих себе ни в чём, будет около 3%; нищих, которых, по самооценкам, в нашей стране в 1998 г. насчитывалось до 25%, не останется в социальной структуре российского общества. Конечно, это прогноз. Можно предположить, что богатых россиян будет несколько больше, останутся “нищие”, по крайней мере, в пределах ошибки выборки. Но главные пропорции социальной структуры российского общества сформируются таким образом, что самую большую группу составят бедные люди, живущие от зарплаты до зарплаты, денег у которых будет хватать только на приобретение необходимых продуктов питания и одежды. Соответствующий характер примет вся система социально-политических отношений, её главными признаками будут неустойчивость и неопределённость, задаваемые, с одной стороны, скромным материальным положением, а с другой, – если сохранятся нынешние тенденции, – слабыми надеждами на улучшение положения в будущем.

Картина тревог, характерных для российского общества, – экономические проблемы (угроза бедности), дисфункции государства, деформация нравов и неблагоприятная экология – показывает, что перспективные приоритеты политики российского государства должны выстраиваться классическим образом в следующей последовательности: человек–общество–природа. Разорвать эту триаду материально-духовных первопо-

тенций (на наш взгляд, это понятие древнегреческой философии даёт возможность семантически адекватно представить системную связанность мира) нельзя, так как только в единстве её элементов возникает синергетический феномен жизни. Политика как деятельность может вносить в хаос взаимодействия первопотенций конструктивное либо деструктивное начало. Вектор и характер конкретной политики способны усилить или ослабить все или каждую из первопотенций. Научное начало в этот процесс вносят науки о человеке, обществе и природе, которые позволяют измерять протекающие процессы взаимодействия и понимать закономерности устойчивого развития, изменяющуюся структуру интересов, потребностей, условий жизни. В частности, методы политологии и социологии дают возможность понять структуру и характер интересов жизнедеятельности общества, отношение граждан к проводимой государством политике.

Императивы устойчивого развития. В сложном, многоаспектном анализе проблем устойчивого развития представляется неверным подчёркивание одной из сторон: либо только социально-экономической, чем нередко грешили авторы отечественных трудов 1970–1980-х годов, посвящённых критике докладов Римского клуба, либо только экологической, чем поныне грешат многие учёные, особенно создатели популярной литературы на Западе. Обе составляющие концепции устойчивого развития неотделимы одна от другой.

Высокий уровень национального дохода в развитых странах, включая уровень заработной платы лиц наёмного труда, колеблется вместе с растущими объёмами и структурой потребления материальных ресурсов, эксплуатацией и уничтожением природы в промышленных и ресурсодобывающих регионах. Расточительный образ жизни богатой части человечества способствует разрушению окружающей среды, в то же время его беднейшая часть не в состоянии удовлетворить свои, подчас самые элементарные, первичные потребности в питании и чистой воде, медицинской помощи и др.

Природа на Земле неделима: уничтожение лесов в бассейне Амазонки снижает уровень кислорода в атмосфере, в то время как отравление воздуха промышленными и транспортными выбросами в США (40% мирового объёма) приводит к росту содержания углекислого газа, химически вредных примесей в атмосфере, истощению озонового слоя. Обе части системы “общество–природа” всё в большей степени становятся взаимозависимыми, а дисфункции в одной из них вызывают сбои в другой, что рано или поздно может привести к глобальной катастрофе. Это означает, что связь между обществом и природой на Земле не может рассматриваться только с натуралистической точки зрения, вне социальных связей человеческого общества, взятого в целом, как совокупность стран и народов и как структура социальных отношений внутри них. Поэтому цель должна состоять в преодолении исторически сложившихся и продолжающих усиливаться макросоциальных неравенств в глобальном масштабе. Это необходимая предпосылка изменения характера отношений между обществом и природой, перехода человечества к устойчивому развитию как особому типу прогресса мировой цивилизации, который должен обеспечить сохранение жизни как таковой и условий обитания человека на Земле.

Для наших целей важно выяснить сущность и формы проявления социально-политической компоненты концепции устойчивого развития. На глобальном уровне она конкретизируется в проблеме коренного изменения существующего мирового порядка. Глобальное макросоциальное неравенство не может не сказываться на внутренней устойчивости политических режимов стран, не входящих в “золотой миллиард”. Резко усилившееся в последние годы значение социальных факторов стабильности заставляет правительства этих стран ставить на межгосударственном уровне вопросы об изменении мирового порядка в целях придания ему большей справедливости, а в перспективе – об обеспечении устойчивого развития в глобальном масштабе.

Осмысление совокупности фактов, объективной информации и субъективных оценок создавшегося положения приводит к принципиальным выводам относительно характера переживаемого периода, обусловившего появление концепции устойчивого развития, её социальной сущности, а также возможности воплощения её основных идей на практике через изменение сложившегося мироустройства политическими методами.

Во-первых, процессы деградации, вырождения и самоистребления жизни на планете достигли критических масштабов. Основная причина такого положения – в мотивации экономической деятельности через максимизацию прибыли, неэквивалентный обмен ресурсов, труда и услуг, хищническую эксплуатацию природы и большинства населения, когда стандарты массового потребления продолжают доминировать и навязываться миру меньшинством индустриально развитых стран, их правящими кругами.

Во-вторых, индустриальная цивилизация в лице транснациональных корпораций и политических институтов развитых стран установила социальный порядок, который характеризуется относительно высокой степенью социально-политической стабильности внутри стран Запада и в то же время создаёт колоссальные ресурсные и социальные диспаритеты на планетарном уровне между регионами, нациями, государствами.

Рис. 6. Концептуальная схема организации мониторинга устойчивого развития и безопасности жизнедеятельности

В-третьих, социально несбалансированная индустриально-рыночная модель развития исчерпала свои возможности и начала воспроизводить в расширенном масштабе экологические, экономические, социальные, политические, военно-технические и другие препятствия и угрозы на пути устойчивого развития мировой цивилизации. Возникла острая потребность в новой глобальной парадигме социально-политического развития.

В-четвёртых, концепция устойчивого развития допускает различные трактовки и нуждается в дальнейшем совершенствовании, особенно по вопросу о путях её претворения в жизнь. Различие интересов приводит к разнородному истолкованию сущности концепции устойчивого развития, а также представлений о социально-политических механизмах перехода к нему в глобальном и региональном масштабах. Сейчас реализация стратегии устойчивого развития как новой формы жизнедеятельности человечества представляется проблематичной. Предстоит длительный этап перехода к её согласованному в рамках мирового сообщества осуществлению.

В-пятых, императивы устойчивого развития — это определяющий фактор в выработке стратегии, среднесрочной и краткосрочной политики рыночных реформ. Экономические институты, инструменты и показатели реформ не могут рассматриваться как стратегические цели устойчивого развития. Они являются средствами достижения комплексных целей взаимообусловленности жизнедеятельности человека, общества и природы.

Перечисленные выводы имеют весьма общий характер, в них зафиксирован сложившийся на данный момент баланс интересов между основными заинтересованными сторонами, явившийся результатом использования рычагов давления и соотношения сил. Эти выводы требуют конкретизации применительно к регионам. В частности, программы действий для России должны быть разработаны с учётом исторических особенностей и нынешнего социально-экономического и политического положения каждого из регионов. Обеспечить необходимую информацию, на основании которой может быть принята система адекватных мер, призван социальный мониторинг, как инструмент управления процессами устойчивого развития страны. На этом пути ещё много нерешённых проблем (рис. 6).

В заключение приведу мнение одного из классиков политической и социальной мысли. В середине прошлого века К. Мангейм сформулировал следующий вывод: “Давайте посмотрим на мир с точки зрения врача, пытающегося поставить научный диагноз нашей общей болезни. В том, что наше общество серьёзно больно, сомнений нет. Коротко ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: мы живём в век перехода от laissez-faire к планируемому обществу. Планируемое общество будущего примет одну из двух возможных форм: либо это будет диктатура с правлением меньшинства, либо новая форма правления, которая, несмотря на сильную власть, будет демократической” [5, с. 413]. Перебросим мостик размышлений в наше время и для этого воспользуемся мыслью, высказанной лауреатом Нобелевской премии по экономике П. Кругманом: “Несмотря на всё различие в деталях, обусловленных экономическими, технологическими и социальными изменениями, которые произошли за 75 лет, переживаемые нами беды очень похожи на

те, что происходили в 30-х годах прошлого столетия, а нам известно, что́ тогда делали высокопоставленные политики, – анализ Кейнса и других экономистов подсказывает, как надо реагировать на трудности сегодня" [6, с. 9].

Экономическая доктрина неокейнсианства предполагает стимулирование государством массового потребительского спроса. В XXI в. легче всего это будет сделать в странах развивающихся рынков, в группу которых входит и Россия. Для этого с помощью рациональной, плановой политики государства необходимо создать массовый платёжеспособный спрос. Такое возможно с помощью восстановления в промышленности, аграрном и научно-интеллектуальном секторах экономики массового производства, где заработная плата не должна быть "символической". Пора перешагнуть через неолиберальные монетарные догмы, этого требует время, об этом пишет П. Кругман: "К сожалению, мы не используем знания, которыми обладаем, поскольку слишком многие люди, облечённые властью, – политики, государственные чиновники, а также более многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, – по разным причинам предпочли забыть уроки истории и выводы нескольких поколений экономистов и заменить давшиеся большим трудом познания идеологическими и политическими предубеждениями" [там же].

Так или иначе, работы учёных из многих областей науки готовят переход цивилизации на новую парадигму жизнедеятельности. Важно помнить о том, что угроза уничтожения жизни в погоне за "золотым тельцом" существует. Но и теория устойчивого развития становится признанной мировым научным сообществом универсальной системой научных взглядов, вокруг которой динамично формируются области теоретических и эмпирических знаний о происходящих в мире социальных, экономических, культурных, политических, экологических и других процессах, связанных с научно планируемым поддержанием и развитием жизни. Концепция и теория устойчивого развития – научное отражение новой парадигмы глобального развития жизни человеческого общества, она имеет непосредственное отношение к перспективам демократического развития колоссального по масштабам и уникального по структуре и проблемам Евразийского региона, ядром которого является Россия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2012.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
3. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20.
4. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мирэкономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5.
5. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
6. *Кругман П.* Выход из кризиса есть. М.: Азбука–Бизнес, Азбука–Аттикус, 2013.